

УДК 323.121 + 947.086

Исмаилова З.А., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОСМОПОЛИТАМИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1948-1953 ГГ. И РОЛЬ В НЕЙ М.В. НЕЧКИНОЙ

В статье впервые в научно-исторической литературе освещена роль ученого-историка М.В. Нечкиной (1899-1985) в период кампании по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948-1953 гг. Показано, что поведение историка на разных этапах кампании было различно и выявлены мотивы этого поведения. Хронологически кампания разделена на два этапа – самый острый 1948-1949 гг. и нисходящий, угасающий этап 1950-1953 гг. Также рассказано об изменении взгляда М.В. Нечкиной на дискуссионный вопрос о значении присоединения нерусских народов к России, об оценке движения мюридизма и Шамиля. Дискуссия разгорелась в отечественной исторической науке в 1947-1953 гг.; в 1950 г. в нее была вовлечена М.В. Нечкина, в следующем 1951 г. она публично выступила с собственной оценкой дискутируемого вопроса. В статье рассматривается не только изменение позиции ученого в ходе дискуссии, но и выявляются побудительные мотивы этого. Под действием политических и идеологических обстоятельств в 1950-1953 гг. исследовательница отказалась от прежнего взгляда на вопрос и выработала новый. В заключение выявляются итоги кампании в судьбе М.В. Нечкиной – они затронули как личное ее поведение, так и научно-исторические взгляды.

Ключевые слова: космополитизм, дискуссия, учебник, критика, мюридизм, Шамиль, народы Кавказа, царизм, русский народ.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-43-54

Биография ученого-историка Милицы Васильевны Нечкиной (1899-1985) малоизучена. Полной научной ее биографии нет, а работы ей посвященные, за немногими исключениями, являются юбилейными статьями или краткими очерками, в которых дается только канва биографии ученого [1]. В 1987 г. Академией наук СССР была издана биобиблиография М.В. Нечкиной [2]. С 1986 г. изучаются отдельные стороны научного творчества историка [3]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. казанская исследовательница А.Н. Гребенкина изучала ранний период жизни и деятельности М.В. Нечкиной. Ее исследование – первый научный труд, в котором было предпринято глубокое научно-документальное изучение ранней биографии ученого [4].

Настоящая статья посвящена одному эпизоду из жизни М.В. Нечкиной, а именно ее роли во время кампании по борьбе с космополитами в исторической науке в 1948-1953 гг. Многочисленные статьи и материалы, а также воспоминания ученых-историков, посвященные этой кампании, не только не раскрывают участие в ней М.В. Нечкиной, – даже имени ее нет на этих страницах. У читателя складывается впечатление, что ученый-историк М.В. Нечкина не принимала никакого участия в кампании, никак не реагировала на ее ход, не высказала и слова в защиту или осуждение кого-либо, иными словами, –

полностью отстранилась от кампании. Однако, это не так. Внимательное изучение биографии ученого говорит о другом, – о том, что М. Нечкина не только участвовала в кампании, но и ее роль на разных ее этапах была разной. Вникнем в беспокойное историческое время 1948-1953 гг. и постараемся определить в нем место и роль М.В. Нечкиной.

В середине 1940-х гг. в СССР началось новое идеологическое наступление на науку и культуру. Особенно широкий и громкий характер приняла кампания борьбы с космополитами [5]. В 1948 и 1949 гг. удар был нанесен по исторической науке, и первым, кто испытал на себе всю тяжесть «неумеренно суровой критики», был историограф Н.Л. Рубинштейн. В 1948 г. его книга «Русская историография» стала главным объектом обличения. Автора обвинили в «принижении роли русского народа и русской культуры в мировой истории, низкопоклонстве перед буржуазной культурой Запада, перед реакционной буржуазной историографией». «Принизив русскую историческую науку, Н.Л. Рубинштейн поднял на пьедестал зарубежную буржуазную науку и ее представителей, подвизавшихся в России, главным образом, немцев» [6, с. 7, 10].

Книга «Русская историография» была написана автором в конце 1930-х гг. и опубликована в 1941 г. Она получила высокую оценку специалистов. М.В. Нечкина отмечала: «Это,

прежде всего, авторская, исследовательская работа с самостоятельным замыслом и выполнением, лишенная элементов компилятивности и основанная на личном изучении первоисточников». Работу Н. Рубинштейна высоко оценили и другие историки – А. Панкратова, Ю. Готье. Они отмечали, что «исследования такого широко тематического и хронологического охвата еще не было в отечественной науке» [7, с. 666]. Однако, когда в 1948 г. автор «Русской историографии» был подвергнут критике, никто из столичных ученых не заступился за него. Их прежняя восторженность сменилась полной немотой. Рубинштейн был исключен из партии и вынужден был уйти из Московского университета, а вскоре и из Исторического музея.

В следующем 1949 г. в космополитизме были уличены историки С.С. Дмитриев и М.Н. Тихомиров. Их хрестоматия по истории СССР была осыпана упреками «в объективизме, забвении принципа партийности в науке, отступлении от марксистской идеологии, примирительном отношении к либерализму». В условиях того времени подобные обвинения грозили большой опасностью тому, против кого были направлены. Исследовательница Р.Г. Эймонтова отмечает: «Появление грубо обличительных рецензий... производило тогда сильное впечатление и безусловно настораживало, критикуемых же повергало в состоянии нервного напряжения и ожидания еще больших неприятностей» [8, с. 168]. Подвергнутый критике ученик М.В. Нечкиной историк С.С. Дмитриев, преподаватель исторического факультета МГУ, писал в дневнике в 1949 г.: «15 марта. На факультете страсти очень накалены. Вчера вывешена новая стенгазета. Студенты и преподаватели весь день густой толпой теснились у нее. Газета призывает до конца искоренить космополитов в исторической науке – Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.». «Тяжелая туча нависла над историками, - горько замечал С.С. Дмитриев, - многих не досчитаются, когда она минует» [8, с. 147-148].

Туча тем временем все чернела. 11, 14 и 16 марта проходило расширенное заседание историков в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). Участник заседания историк Ю.А. Поляков вспоминал, что «выступавшие без устали разоблачали враждебную

сущность таких пробравшихся в историческую науку деятелей, как О.Л. Вайнштейн, А.М. Деборин, Л.И. Зубок, В. Лан, И.И. Минц, И.М. Разгон, Н.Л. Рубинштейн. Наиболее активными критиками были М.П. Ким, А.Л. Сидоров, Д.А. Чугаев. Наряду с маститыми профессорами большую ретивость выказали аспиранты – их выступило более 10». [9, с. 313]. Атмосфера проработок и чисток тяжело сказывалась на ученых. Многие из них сильно изменились внешне. Историк Е.Н. Городецкий «страшно похудел», Н.Л. Рубинштейн – «похудел и осунулся». Студенты также испытали на себе тяжесть времени. 21 марта 1950 г. С.С. Дмитриев отмечал в дневнике: «В университете участились случаи убийств и самоубийств. <...> Так несчастную молодежь пичкают и накачивают официальной идеологией, что у людей оскомины набита, и челюсти от зевоты сводит». Над страной нависла мрачная тень подозрительности и страха. «В Учпедгизе все продолжают пребывать в страхе и ужасе, - замечал С.С. Дмитриев. - Трясутся над каждым словом». «Таковы наши дела и дни», - заключал ученый.

Под давлением разносной критики – «Дубинка вместо критики» - историки признавали «у себя отдельные космополитические ошибки» или полностью отказывались от своих взглядов. Идеологическое наступление на историческую науку подтачивало силы ученых, сказывалось на их здоровье и эмоционально-психологическом состоянии. Историки получали «волчьи паспорта и отстранялись от научной и педагогической работы» [8, с. 149-150]. «Февральско-мартовская резня космополитов» 1949 г., по определению С.С. Дмитриева, вывела из строя многих талантливых исследователей, некоторые из них ушли из жизни. 3 марта 1950 г. скоропостижно и преждевременно скончался историк К.В. Базилевич. Ему было 58 лет. За ним ушел и его учитель – 68-летний С.В. Бахрушин, скончавшийся 8 марта 1950 г. «Ученик увел за собою учителя». Оба скончались далеко не в преклонном возрасте, смерть их «ускорила кампания интриганства» [8, с. 157-158].

«Очищение от космополитов» воспринималось учеными-историками по-разному. Одни из них спешили отмежеваться от «космополитов» в исторической науке (например,

Е.Н. Городецкий), но вскоре сами оказывались под обстрелом критики. Другие, их большинство – А.Л. Сидоров, М.П. Ким, Е.С. Ерусалимский, Е.А. Косминский, А.В. Арциховский, Б.Ф. Поршнев – критиковали ошибки и «порочные взгляды» своих коллег и вынужденно – свои собственные [10, с. 155-157]. Много лет спустя, в апреле 1966 г. историк Л.В. Черепнин вспоминал, что заседания, на которых критиковали его коллег, «превращались в собрания, где не было истинных споров, столкновения мнений, а одни обвиняли других. Бывало и так, что обвинители через некоторое время сами становились обвиняемыми, и их также не убеждали, не разъясняли им характера их заблуждений, а просто предъявляли счет в "ошибках", в "антимарксистских, антинаучных извращениях"» [11, с. 209]. Политическая кампания определяла вектор выступлений ученых, страх и нервная обстановка толкали их на участие в ней. Не понимая до конца происходящего, ученые стремились отвести от себя неминуемую угрозу и поступались собственными взглядами. Однако, не все из них поддались такому настроению.

Историк Н.М. Дружинин «стремился преодолеть общее давление и сдерживал "крови жаждущих"». «Позиция примиренческая!», - замечал С.С. Дмитриев. Другие историки смело заявляли свой протест против необоснованной и разгульной критики, раздававшейся в адрес их коллег. В Иваново преподавательница педагогического института Нина Разумовская на заседании ученого совета института, где обсуждался вопрос о космополитах в исторической науке, заступилась за Рубинштейна, историографию которого «громили». «Тогда ее так «проработали» всем собранием (в институте), - замечает в дневнике С.С. Дмитриев, - что, придя домой, она перекинула через двери ремешок, сделала петлю и повесилась. Это была молодая (25 лет) красивая девушка, она имела хорошие способности к научной работе» [8, с. 149].

М.В. Нечкина в те годы преподавала на историческом факультете Московского университета. Она видела и слышала всё происходящее. Подвергались критике и изгонялись из науки ее коллеги и ученики. Как же реагировала на это Милица Васильевна? Ее дневник молчит. Но отдельные пометы в дневнике

другого историка, ученика М.В. Нечкиной – С.С. Дмитриева помогают нам осветить роль Нечкиной в первый период кампании по борьбе с космополитами, на ее самом остром этапе в 1948 и 1949 гг.

Ученый не шел в одной колонне с теми, кто яростно набрасывался на историков и критиковал их мнимые и действительные ошибки. Нечкина никогда не способствовала развязыванию и накалу кампании. Но также никогда и не заступалась за своих коллег, подвернутых критике – ученика С.С. Дмитриева, младшего коллегу Е.Н. Городецкого. Более того – участвовала в критике их работ. В разгар кампании, чтобы отвести от себя подозрение, Нечкина высказала мнение: «Либерализм никогда не был прогрессивен в условиях России» [8, с. 148]. Это утверждение – палка о двух концах. Одним из них оно било по «либеральным концепциям» зарубежных буржуазных историков, другим – еще раз ударило по выявленным «космополитам» в отечественной исторической науке – Е.Н. Городецкому, Н.Л. Рубинштейну, И.И. Минцу, С.С. Дмитриеву, М.Н. Тихомирову. А это – коллеги Нечкиной, те, кто ежедневно плечом к плечу с ней работал. В марте 1949 г. М.В. Нечкина приняла участие в критике учебника М.Н. Тихомирова и С.С. Дмитриева «История СССР», изданного в 1948 г. На вечернем заседании педагогического совета в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ она высказала ряд критических замечаний по поводу освещения в учебнике роли А.Н. Радищева. В тот день – 10 марта – вернувшись с заседания, С.С. Дмитриев записал в дневнике: «Обсуждение в ЦКШ прошло для меня весьма печально. Все выступавшие очень резко критиковали мои ошибки. <...> Как видно, предстоят для меня трудные годы» [8, с. 146, 148].

Подводя итог, можно сказать, что в 1948-1949 гг., в самый разгар кампании по борьбе с космополитами, Нечкина не участвовала напрямую в этой кампании, но, стараясь отвести от себя подозрение, решила на умеренную критику трудов своих коллег. Итог этого компромисса с властью – испорченные личные отношения с некоторыми учеными-историками. Впрочем, надо сказать, что отношения испортились не навсегда. Коллеги М.В. Нечкиной историки Н.М.

Дружинин, Е.Н. Городецкий, М.Н. Тихомиров и др. в дальнейшем будут поддерживать с Милицей Васильевной деловые и дружеские контакты, их взаимные отношения наполнятся совместным продуктивным трудом и общими усилиями в решении новых исследовательских задач отечественной исторической науки.

«События 1949 г., - замечает историк Ю.А. Поляков, - были отражением падения нравов, поощряемого властями» и вели к «разложению самого общества» [9, с. 326]. Ему вторит историк С.С. Дмитриев, который 7 июня 1949 г. записал в дневнике такие слова: «Живу последние месяцы в состоянии какой-то апатии ко всему... Омерзела политическая трескотня и блудословие. Омерзели жалкие и подлые люди кругом. Одичание народа просто поразительное. Раствление личности достигло едва ли не до предела в нашем обществе, вызывающем одно презрение» [8, с. 152]. Кампания по борьбе с «космополитами» не остановилась в 1949 г., она продолжилась, и в следующем 1950 г. непосредственно вовлекла в свой крутой круговорот ученого, который до поры до времени принимал в ней весьма скромное участие.

1950 год принёс исторической науке новую дискуссию – о сущности мюридизма и движения Шамиля. В июле в журнале «Большевик» (№ 13) появилась статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». «Не вдаваясь в подробный анализ движения горцев» Кавказа, Багиров обрушился с резкой критикой на «ошибочную концепцию о якобы прогрессивном, освободительном характере движения мюридизма и Шамиля в первой половине XIX века». Такую концепцию крупный партийный функционер объявил «антимарксистской». Он писал, что Шамиль – ставленник и агент турецких завоевателей и британских колонизаторов, проповедник воинствующего, фанатично-клерикального учения мюридизма. Кроме того, Шамиль препятствовал прогрессивному процессу присоединения горцев Кавказа к России, который сыграл благотворную роль в их жизни. «Шамиль был орудием в руках иностранных государств», «в его движении ничего народного, демократического не было и не могло быть»,

«никакого освободительного характера его движение носить не могло», - заключал Багиров. На заключительной странице статьи перо партийного чиновника выводило риторический вопрос: «Как в свете всего сказанного понять позиции ответственных работников Института истории Академии наук СССР, авторов и редакторов учебников по истории СССР тт. Дружинина, Панкратовой, Заходера, Нечкиной, Закс и других, идеализирующих мюридизм и извращающих историческую истину, превозносящих инспирированный соперниками России – Турцией и Англией мюридизм и его вождя – Шамиля?» [12, с. 21, 25-28, 35, 37].

Таким образом, в статье М.Д. Багирова, появившейся в печати в июле 1950 г., впервые было упомянуто имя М. Нечкиной в негативном контексте. Она наряду с другими историками обвинялась в неверном освещении в учебной литературе движения мюридизма и Шамиля. Вскоре вопрос о Шамиле перерос в дискуссию о значении присоединения нерусских народов к России. Она продолжалась до 1953 г. и стала рубежом в понимании учеными-историками вопроса о вхождении в состав России нерусских областей и краев.

Появление статьи М.Д. Багирова стало для М.В. Нечкиной оглушительной новостью. Она была растеряна и не понимала мотивов и сути происходящего. Ведь еще недавно – в 1947 г. в Институте истории состоялась дискуссия о характере движения Шамиля, в которой приняли участие как специалисты по отечественной истории, так и востоковеды, столичные ученые и их коллеги из национальных республик. В ходе дискуссии большинство историков, среди них и М.В. Нечкина, пришли к убеждению – «движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным» [13, с. 589]. Как же теперь, после статьи М.Д. Багирова оценивать его? Летом 1950 г. М.В. Нечкина еще испытывала колебания, она не знала точного ответа на вопрос. В то же время исследовательница чутко отреагировала на критику Д.М. Багирова. В августе 1950 г. в письме к Н.М. Чернышевской она писала: «Спешу выслать Вам учебник, он уже полностью разошелся, только хочу предупредить, что весь текст о Шамиле надо считать вычеркнутым, -

после статьи тов. Багирова в № 13 "Большевик" этим текстом нельзя пользоваться. По этой причине я даже не решилась надписать посылаемую книгу» [14, с. 814-815].

В сентябре 1950 г. президент АН СССР С.И. Вавилов и главный ученый секретарь Президиума Академии А.В. Топчиев составили докладную записку. Она предназначалась для секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова и содержала такую информацию: «Президиум АН СССР на своем заседании 22 сент. с.г., рассмотрев вопрос об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР, установил, что» авторы и редакторы учебников по истории СССР (тг. Н.М. Дружинин, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, А.Б. Закс) допустили «грубые политические ошибки», и оказались, по существу, на поводу у английских и турецких реакционных авторов, которые сознательно приукрашали и превозносили характер движения мюридизма и Шамиля, представляя их как якобы прогрессивные национально-освободительные и демократические явления» [15, с. 35]. Другой документ, в котором упоминается имя М. Нечкиной в связи с разгоревшейся дискуссией, относится к декабрю 1950 г. и адресован секретарю ЦК М.А. Сулову. В нем говорится, что программа курса истории СССР, составленная на кафедре отечественной истории МГУ на основе учебников по истории СССР под редакцией Б.Д. Грекова и М.В. Нечкиной «не ориентирует историков на изучение истории... с точки зрения ленинско- сталинской исторической концепции. <...> Такое неблагоприятное, - заключали авторы записки, - результат того, что учебники составляются людьми из бывших кадетов, националистов и в прошлом связанных с антимарксистской школой Покровского...» [5, с. 614]. Тучи над головой ученого сгущались. Критика Нечкиной, начавшись в июле 1950 г. на страницах журнала «Большевик», в сентябре-декабре стала известна высшему партийному руководству страны, и грозила теперь неминуемыми последствиями. В феврале 1951 г. в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) была направлена резолюция Ученого совета Института истории АН СССР, в которой, в частности, еще раз фигурировало имя М.В. Нечкиной. В резолюции было отмечено, что

«буржуазно-националистические извращения истории казахского народа... нашли отражение... в учебнике по истории для средней школы (редактор А.М. Панкратова) и в учебнике для высшей школы (редактор М.В. Нечкина)» [15, с. 35].

Необходимо было действовать. М.В. Нечкина не растерялась, она знала, что и как делать – за ее плечами был чем-то подобный настоящему опыт 1930-х гг. Она написала и отправила в редакцию «Вопросов истории» письмо, в котором изложила собственный взгляд на дискуссионный вопрос. Ученый писал: «Задача историков – обрисовать историческую перспективу единения и борьбы трудовых людей разных народов под руководством старшего брата – русского народа, в дальнейшем под гегемонией его пролетариата, под руководством партии Ленина – Сталина во имя победы над всеми и всяческими эксплуататорами. Только на основе глубокого изучения этой стороны процесса возможно дать объективную оценку результатов присоединения того или иного народа к России...». М. Нечкина указывала на «благотворность, прогрессивность присоединения нерусских народов к России» и в то же время подчеркивала «реакционность колонизаторской политики царизма». «При оценке результатов включения народов в состав царской России, - подчеркивала она, - историки должны обращать особое внимание на факты общения народов, на то новое и положительное, что вопреки царизму вносил в хозяйственную и культурную жизнь народов великий русский народ». Нечкина неоднократно подчеркивала роль русского народа в истории России, в его борьбе с царизмом: «Царизм был тюрьмой народов... В этой тюрьме томился и старший брат народов нашей страны – великий русский народ. <...> Его огромные силы, опыт борьбы, передовая культура, созданная им, - всё служило общему делу освободительной борьбы, укрепляло братство народов в этой великой борьбе» [16, с. 45]. Две основные идеи – прогрессивность присоединения нерусских народов к России, «братство народов» и реакционная роль царизма в этом процессе – отличали взгляд ученого, изложенный в письме. Оно было опубликовано в апреле 1951 г.

Письмо М. Нечкиной в редакцию «Вопросов истории» привлекло только дополнительное внимание к творчеству ученого и педагога. Через три месяца после его опубликования в июле 1951 г. в журнале «Большевик» была напечатана рецензия на второй том вузовского учебника по истории СССР, главным редактором которого являлась М.В. Нечкина.

Учебник был коллективным трудом советских ученых-историков, научных сотрудников Академии наук СССР и Московского университета и представлял собой объемную книгу в 870 страниц. Работа над ним проходила в 1947-1948 гг. и завершилась изданием в 1949 г. В 1951 г., как отмечено выше, в журнале «Большевик» появилась рецензия на учебник. Ее автор историк Л.М. Иванов, оперируя цитатами из работ Сталина, указывал, что в учебнике «и теперь еще имеются серьезные недостатки и упущения, неверные формулировки и ошибочные оценки ряда исторических явлений и событий». Так, «главы об экономическом развитии России явно нуждаются в серьезной переработке», допущены ошибки в оценке «национальных движений в тех конкретно-исторических условиях, которые их породили», ряд вопросов из «истории русской общественной мысли и революционного движения» рассматривается авторами «с объективистских позиций. Особенно это сказывается при освещении истории народничества». Наконец, «особо следует обратить внимание на ошибочную трактовку, которую получили в учебнике некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года». В центре критики Л.М. Иванова стоял Шамиль, его оценка в учебнике. Рецензент писал: «Шамиль, ставленник Турции и агент английских колонизаторов, представлявший интересы военно-феодалной верхушки горцев, изображается как народный герой, борец за национальное освобождение». В заключение Л.М. Иванов отметил: «Подготовка учебников, прежде всего учебников по отечественной истории, является важной государственной задачей. <...> Нужен решительный поворот в деле создания полноценных марксистских учебников по истории, отвечающих высоким запросам советского народа» [17, с. 27-28].

Итак, в 1951 г. Нечкина теперь сама ока-

залась в роли критикуемой. Роли переменялись. Прав был историк С.С. Дмитриев, когда писал в дневнике в 1949 г., что «все ценности продолжают переоцениваться, всё смещается и сдвигается, грозя оставить пустое место в итоге такого хаотического мыслетрясения и людотрясения» [8, с. 146]. Эпоха была грозной и лицемерной.

1 и 2 октября 1951 г. на объединенном заседании ученого совета Института истории АН СССР и кафедры истории СССР МГУ под руководством А.М. Панкратовой состоялось обсуждение рецензии Л.М. Иванова. В дневнике М.В. Нечкиной в записи за 1 октября мы можем прочесть такие строки: «Сейчас же после обеда – к 4 часам в Институт истории. Началось заседание по обсуждению рецензии Иванова... За 40 минут (!) до заседания мне позвонил Новосельский (историк – И.З.) и предупредил, что я должна выступать после Панкратовой, открывающей заседание, а Иванов (новость!) доклада делать не будет» [18, с. 665].

Первой выступила А.М. Панкратова, открывшая обсуждение. Она сказала: «Товарищам, которые создавали этот учебник в качестве авторов и редакторов, предстоит подготовить в ближайшее время новое, третье издание учебника. Поэтому особенно своевременны и необходимы сделанные в критической статье замечания методологического и методического характера, учитывая которые можно и должно подготовить более полноценное новое издание учебника. Задача подготовки такого учебника, более выдержанного с принципиальной стороны и более богатого по содержанию, является для нас, советских историков, делом чести, тем более, что мы имеем такой непревзойденный образец учебника как «Краткий курс истории ВКП (б)», следовать которому мы обязаны, независимо от того, какой исторической эпохе посвящен тот или иной наш новый учебник» [18, с. 665].

Второй после А.М. Панкратовой выступила М.В. Нечкина, по мнению «очень многих», «удачно» [18, с. 372]. Она отметила: «Второе издание вышло в самом начале 1950 г., т.е. уже почти два года тому назад. Сейчас коллектив трудится над третьим изданием и работает уже полтора года над его подготовкой. <...> Я не могу не сожалеть о том, что наше теперешнее обсуждение сконцентрировано не на этой новой рукописи, которая явилась результатом

трудов авторского коллектива за последние полтора года, а на пройденном уже этапе, которым является для авторского коллектива второе издание, этот серый том».

Попытка Нечкиной отвести внимание обсуждающих от старого учебника и сосредоточить его на новом, подготавливаемом к печати, не удалась. Историк А.В. Пясковский вновь заговорил о старом учебнике: «Одним из недостатков учебника является, несомненно, то, что авторы совершенно обходят роль США – этого достойного партнера Англии по грабегам и насилиям. <...> Крупные ошибки и недостатки содержат главы, посвященные истории отдельных народов, в частности, национальным движениям. <...> Странно, если не сказать больше, выглядят разделы учебника, посвященные народным движениям в Среднем Поволжье. Вместо того, чтобы показать действительно прогрессивные движения среди народов Среднего Поволжья в XIX в., их борьбу против царского гнета и гнета местных эксплуататоров, автор раздела (профессор Л.В. Черепнин) описывает, и притом достаточно подробно, одни лишь реакционные движения, укреплявшие всевозможные изуверские секты и старинные религиозные культы. <...> Главы, посвященные общественному и революционному движению 60 – 80-х гг. XIX в. (написанные к.и.н. Ш.М. Левиным), включают целый ряд существенных недостатков, способных лишь запутать учащегося. <...> Таких оголтелых в будущем ренегатов, как Утин, Чайковский, Л. Тихомиров и др., автор безудержно идеализирует в учебнике, ни словом не обмолвившись об их действительном, настоящем лице» [18, с. 665].

Выступление А.В. Пяковского М.В. Нечкина назвала «странным». Почему в учебнике нельзя говорить об Н.А. Утине, революционере 1860-х гг., члене ЦК первой «Земли и Воли», одном из организаторов и руководителей Русской секции 1-го Интернационала? – спрашивала она. «Утин подавал на высочайшее имя», - отвечал Пясковский. Нечкина, однако, была убеждена, что «самый факт обращения к царю» не снимает «вопроса о революционности деятеля» [19, с. 357]. В целом дискуссию об учебнике она оценила так: «Очень интересно, ценно, хотя немало и спорного» [18, с. 372]. Стоит, однако, заметить, что начавшаяся дискуссия не

могла быть ценной, т.к. проходила в обстановке односторонней критики, и Нечкина даже в этих условиях смогла выявить ее положительные моменты.

На следующий день, 2 октября, состоялось заседание комиссии «по выработке резолюции об учебнике». В состав комиссии входили Л.М. Иванов, И.А. Федосов, М.В. Нечкина и А.В. Пясковский. Заседание было назначено на 17 ч. 30 мин. Милица Васильевна приехала в Институт истории и явилась на заседание комиссии в 17 час. 28 мин., когда «все уже явно заседают», хотя «нет Пяковского» - одного из членов комиссии. Нечкина попросила показать ей проект резолюции – его «печатают в соседней комнате, надо ждать. <...> Все ждут, ничего не делают, время идет». Наконец, Иванов, дождавшись Пяковского, «вынимает из кармана смятый и тысячу раз всеми читанный проект». В это время Пясковский «выдает их конспирацию вопросом: «Это тот же текст, что и вчера?». Нечкина возмущена: «я член комиссии – ничего не знала! Мне дают познакомиться в последние 10 минут». «Читаю – проект (резолюции – И.З.) буквально обливает учебник грязью и просто лжет». Нечкина «заявляет решительный протест». С.С. Дмитриев, член авторского коллектива учебника, «смущенно пытается выправить некоторые особо лживые места. Зайончковский торопит с началом заседания. Ничего не приняв, идем заседать» [18, с. 372].

Идет заседание. Выступления участников – «в большинстве толковые, интересные, иногда неверные... иногда спорные», но «тон хороший, искренний, исследовательский». «Особенно интересными» Нечкина назвала выступления историков М.Я. Гефтера и Б.П. Козьмина – в первой части его речи [18, с. 372]. М.Я. Гефтер в своем выступлении отметил вопрос о «понятии базиса и надстройки», который, по его мнению, не нашел отражения в учебнике. «Речь идет о научной, творческой разработке указаний, данных в последних работах тов. Сталина, - говорил Гефтер, - о взаимодействии базиса и надстройки». По его мнению, эта проблема – «проблема взаимодействия социально-экономических процессов с процессами политическими, проблема обратного воздействия надстройки на ход основных социально-экономических процессов... поставлена в учебнике

очень слабо, поверхностно, а в некоторых случаях, как мне представляется, просто неправильно» [18, с. 666-667].

Б.П. Козьмин в своей речи еще раз указал на ошибки в учебнике, допущенные в главах, написанных Нечкиной и Левиным. Он критиковал главы 16-ю и 17-ю – «Начало революционной ситуации 1859-61 гг.» и «Конец революционной ситуации 1859-61 гг.». «Получается так, - говорил Козьмин, - есть начало и конец, а самой революционной ситуации нет». Историк отметил «недооценку» авторами учебниками «Герцена эпохи 40-х гг.» и «переоценку революционности разночинцев». Далее он указал на ошибку в главе Ш.М. Левина, под которой «кроется неправильная концепция революционного движения 60-х гг. Речь идет о тайной революционной организации «Земля и Воля». Говорится, что Герцен и Огарев были членами ее ЦК. Я не понимаю, - говорил Б.П. Козьмин, - как такой компетентный человек, как Шнеер Менделевич, мог написать такую несообразную вещь. <...> В ЦК Герцен и Огарев никогда не входили, а в Совет общества они входили. Нельзя сливать две эти организации, чтобы преувеличивать роль Герцена и Огарева в революционном движении той эпохи» [18, с. 666-667].

Предпоследним взял слово Л.М. Иванов. Он сказал, что «вчерашнее выступление» Нечкиной «неудовлетворительно», так как она «хотела "заменить" обсуждение рецензии «Большевика» (автором которой был Иванов – И.З.) обсуждением уже подготовленной за этот год работы авторов». Тон выступления Иванова Нечкина оценила как «обиженный, резкий». В заключительном слове она говорила «около часа – по основным принципиальным вопросам». Поблагодарив собрание и редакцию «Большевика», Милица Васильевна «мимоходом» отметила, что «не понимает резкого и обиженного тона Иванова». «Смотрите вчерашнюю стенограмму, - заявила она, - я предлагала не заменить, а соединить обсуждение рецензии в «Большевике» с материалом, который авторы уже написали!». После этих слов ученого раздался «гул подтверждения в зале, подтверждающие возгласы, в частности, что я так и говорила вчера. Даже в конце аплодировали». В завершение заседания была принята резолюция по учебнику, из которой по настоянию

М.В. Нечкиной было «вычеркнуто всё ложное» [18, с. 372-373].

«Страшно взволнованная и возмущенная», по собственному признанию, Нечкина поздно вечером вернулась домой. Все произошедшее в тот тяжелый для нее день она оценила как «дикость». Чувства «возмущения, горечи и обиды» не покидали ученого. Но овладев собой, Нечкина смогла отстоять учебное пособие под своей редакцией.

Подведем итоги. Обсуждение 2-го тома учебника «История СССР» под редакцией Нечкиной проходило в Институте истории АН СССР в начале октября 1951 г. – в момент, когда кампания по борьбе с космополитами в советской печати уже пошла на убыль. «Явно, что в руководстве (Института истории – И.З.) переориентация, - отмечала Нечкина в дневнике, - осознали неблагоприятную линию Иванова или догадались о ней. Наконец, мне определили в заседании хоть какую-то функцию!» [18, с. 372]. Накал политической кампании спал, газеты приумолкли, обстановка изменилась. «Слово "космополитизм" из сегодняшнего словаря убрано», - замечал в дневнике 27 марта 1951 г. С.С. Дмитриев [8, № 4, с. 115]. «Тяжелая туча, нависшая над историками» в самой середине столетия, миновала. Но, несмотря на это, некоторые ученые-историки старались использовать результаты кампании в корыстных целях. Критикуя своих коллег, они сводили с ними личные счеты. Так, Б.П. Козьмин, обрушившись 2 октября 1951 г. с критикой на М.В. Нечкину и Ш.М. Левина, стремился ниспровергнуть своих оппонентов в научном споре политическими методами, дискредитируя их авторитет как авторов учебного текста для высшей школы.

Таким образом, резкая критика учебника под редакцией М. Нечкиной, проходившая в 1950-1951 гг. под знаком угасавшей кампании борьбы с космополитами, завершилась для ученого без особых последствий. Энергичные действия М. Нечкиной свели эти последствия к самому минимуму. При этом нельзя сказать, чтобы события 1950 и 1951 г. прошли бесследно в жизни ученого.

М.В. Нечкина, оказавшись в трудной ситуации, грозившей тяжелыми для нее последствиями, смогла достойно ответить своим обвинителям и отвести от себя и своих коллег неминуемую угрозу. В ее сознании свершился

непростой процесс переоценки собственных поступков в 1948 и 1949 гг. Учёный осознал простую истину – молчать, когда несправедливо критикуют твоих коллег и друзей и возводят на них гонение, нельзя. Участвовать в этом деле, пусть даже и совсем неприметно, скромно, из побуждений личной безопасности, - тоже нехорошо. Изменилось не только сознание, но и поступки ученого. В конце 1951 г., когда остракизму был подвергнут историк Е.В. Тарле и его книга «Нашествие Наполеона на Россию» была объявлена «антипатриотичной», Нечкина заступилась за ученого. Критику известного историка С. Кожухову она ответила открыто, без боязни и мужественно отпарировав его беспочвенные обвинения. На заседании в Институте истории АН СССР М. Нечкина была единственной, кто выступил против обвинений С. Кожухова и в защиту Е.В. Тарле [20, с. 486]. Так изменились настроение и настрой ученого – молчание в 1948 и 1949 гг. сменилось смелостью и открытостью выступления в 1951 г. Стоит только заметить, что для таких изменений потребовалось, чтобы сама М. Нечкина оказалась в 1950 и 1951 гг. на месте критикуемой и обвиняемой и на собственной опыте прочувствовала, что это значит. Грозная обстановка эпохи, как видим, способствовала медленному, но неуклонному пробуждению лучших качеств и чувств человеческой личности.

Дискуссия о значении присоединения нерусских народов к России продолжилась в 1952 и 1953 гг. В этот период на XIX съезде партии, а затем в статье М.Д. Багирова, опубликованной в феврале 1953 г. в журнале «Коммунист», историкам была дана ясная директива в освещении дискуссионного вопроса. Присоединение нерусских народов к России оценивалось как «абсолютное благо», обращалось внимание на те «колоссальные положительные последствия», которые имело присоединение отсталых азиатских народов к передовой стране – России. Союз с Россией, включение того или иного народа в ее состав были, по словам Багирова, предметом «чаяний широких народных масс» [21, с. 64-88].

М.В. Нечкина пыталась приспособиться к новым реалиям. Процесс изменения ее взглядов начался в 1950 г., и к ноябрю исследовательница уже выработала новую

точку зрения. Об этом говорит ее письмо, адресованное географу В.А. Обручеву и помеченное 21 ноября 1950 г. В письме М.В. Нечкина, отвечая на вопрос В.А. Обручева, «было ли движение "сибирских сепаратистов" (в 60-х гг. XIX века – И.З.) прогрессивным или нет», отмечала: «Сибирский сепаратизм предложил глубоко ошибочное решение той исторической задачи, которая перед ним стояла». Нечкина подчеркнула, что «именно в нераздробленном русском народе, в рамках его государственного единства выросла сила, которая не только повела за собою на борьбу всю массу трудового русского народа, но и массы трудовых людей других национальностей, в частности – национальностей Сибири» [22, с. 606]. Из этого можно заключить, что уже в ноябре 1950 г. Нечкина оценивала любые национально-сепаратистские движения внутри России как реакционные.

В 1951-1953 гг. М.В. Нечкина окончательно сформировала новый взгляд. В письме в редакцию «Вопросов истории» (апрель 1951 г.) она привела примеры культурного и хозяйственного общения народов Российской империи и сделала вывод, что формула о «наименьшем зле» не всегда отражает историческую реальность. В общении народов было много «положительных моментов» и их нельзя «упускать из виду», - подчеркивала Нечкина. 1953 год положил предел дискуссии о «наименьшем зле». Теперь в статьях и выступлениях Д.М. Багирова включение в состав России азиатских и восточноевропейских народов оценивалось как «абсолютное благо». М.В. Нечкина неоднократно подчеркивала свою приверженность точке зрения Д.М. Багирова. В письме А.М. Панкратовой от 1 марта 1953 г. она отмечала: «Самое тщательное сопоставление содержания моего письма (в редакцию «Вопросов истории», 1951 г. – И.З.) со статьей тов. Багирова в «Коммунисте» дает совпадение основных положений». Нечкина настаивала: «Пускай создадут самую строгую и внимательную комиссию, и пусть она сопоставит положения моего письма с основными положениями статьи т. Багирова. Они совпадают» [7, с. 661-662].

7 октября 1953 г. в Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) М.В. Нечкина прочла лекцию «Прогрессивное значение

присоединения нерусских народов к России». В ней исследовательница обличала «школу Покровского», которая «пыталась рассматривать присоединение народов к России как абсолютное зло». Лектор по-разному оценил роль русского народа и царизма в процессе вхождения нерусских народов в состав России. Царизм Нечкина по-прежнему считала реакционным явлением, который явился колонизатором для народов, входящих в состав России; русский же народ способствовал приобщению отсталых азиатских народностей к своей передовой культуре, сыграл положительную роль в их жизни [13, с. 598]. В четком и настойчивом разделении ролей царизма и русского народа, в подчеркивании

колониционного, «грабительского» существования царизма Нечкина пыталась сохранить осколок прежних представлений, восходивших к идеям М.Н. Покровского. В этом стремлении проявилась тень независимости ее ученого мнения – той малой степени независимости, которую Нечкина сохранила в последние в годы сталинского режима. В общем же исследовательница поступилась собственными прежними выводами, содержащимися в учебнике по истории СССР (1949 г.) под ее редакцией, и в угоду политическим веяниям положительно оценила то явление, которое ранее оценивала как реакционное. Таковы были итоги кампании по борьбе с космополитами в судьбе отдельного ученого.

Список литературы

1. Черепнин Л.В. Академик Милица Васильевна Нечкина (Творческий путь)// Проблемы истории общественного движения и историографии (К 70-летию академика М.В. Нечкиной). М. 1971. Миронова И.А., Юхт А.И. О деятельности М.В. Нечкиной в области археографии и источниковедения// Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 248-263; Городецкий Е.Н., Рудницкая Е.Л. 75-летие академика М.В. Нечкиной// Вопросы истории. 1976. № 2. Бромлей Ю.В. Хромов С.С., Вандалковская М.Г. Выдающийся ученый, организатор и педагог Милица Васильевна Нечкина // История СССР. 1980. № 6. Федоров В.А. Милица Васильевна Нечкина // Историки России XVIII – XIX веков. Выпуск 2-й. М. 1995. С. 136–143. Вандалковская М.Г. Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М.В. Нечкиной // Вестник РАН. 2001. Том 71. № 2.
2. Милица Васильевна Нечкина: Материалы к биобиблиографии ученых СССР. М., 1987.
3. Федоров В.А. Академик М.В. Нечкина (1901–1985) – историк движения декабристов// Вестник МГУ. Серия 8. История. 1986. № 3. Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. 2001. Историографический вестник. М., 2001. Поляков Ю.А. Серебряное стило М. Нечкиной (О литературном мастерстве историка)// Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.
4. Гребенкина А.Н. Научно-педагогическая деятельность М.В. Нечкиной в начале 20-х годов (Казанский период)/ Автореферат канд. дисс. Казань. 1992.
5. Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. М., 2005.
6. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2.
7. Переписка М.В. Нечкиной с А.М. Панкратовой/ Публ., коммент. и вступ. ст. Л.В. Борисовой/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина. М., 2011.
8. Из дневников С.С. Дмитриева/ Публ. подг. Р.Г. Эймонтова// Отечественная история. 1999. № 3, 4. В тексте, где не указан номер журнала – он везде третий.
9. Поляков Ю.А. Это называлось борьбой с космополитизмом (1949) /В кн.: Поляков Ю.А. Историческая наука. Люди и проблемы. М., 1999.
10. Стишов М. На историческом факультете МГУ // Вопросы истории. 1949. № 2.
11. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. – М., 1997.
12. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля// Большевик. 1950. № 13.
13. Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск. 2005.

14. Переписка М.В. Нечкиной с Н.М. Чернышевской/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина.
15. «Что интересного в Академии общественных наук?». Письма бывших аспирантов к М.В. Нечкиной. 1949-1971// Исторический архив. 2006. № 3.
16. Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло». Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1951. № 4.
17. Иванов Л. Об учебнике истории СССР // Большевик. 1951. № 14.
18. «...И мучилась, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной/ под ред. Е.Р. Кураповой. М., 2013.
19. Нечкина М.В. А.П. Шапов в годы революционной ситуации // Нечкина М.В. Встреча двух поколений. М., 1980. С. 357.
20. Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. «Навеки в памяти народной» // Тарле Е.В. 1812 год. Избранные произведения. М., 1994. С. 486.
21. Багиров Д.М. Старший брат в семье советских народов // Коммунист. 1953. № 3.
22. Переписка М.В. Нечкиной с В.А. Обручевым/ В кн.: История в человеке. Академик М.В. Нечкина. М., 2011.

THE CAMPAIGN ON STRUGGLE AGAINST COSMOPOLITANS IN HISTORICAL SCIENCE IN 1949-1953 AND THE ROLE OF M.V. NECHKINA IN IT

This is the first article among historical works to highlight the role of scholar and historian M.V. Nechkina (1899-1985) during the campaign on struggle against cosmopolitans in historical science in 1948-1953. It shows that the behavior of the historian was unlike in different stages of the campaign, and it reveals the motives of that behavior. Campaign on struggle against cosmopolitans divided on two stage – the very keen in 1948-1949, and die away in 1950-1953. The change of Nechkina's mind on the disputable issue about significance of joining of non-Russian nations to Russia is also reported on, about movement of muridizm and Shamil. The disputable developed in native historical science in 1947-1953; in 1950 in it entered M.V. Nechkina; she public come forward with own estimation of questionable question next yeas. In 1950-1953 under ideological circumstances the researcher rejected her previous opinion about the issue and worked out a new one.

Keywords: cosmopolitanism, textbook, discussion, criticism, muridizm, Shamil, nationalities of Caucasus, tsarizm, Russian people.

References

1. Cherepnin L.V. (1971). Akademik M.V. Nechkina (Tvorcheskiy put') [Academician M.V. Nechkina (Way of creation)]// Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniya i istoriographii (K 70-letiyu akademika M.V. Nechkinoy). М., Nauka. Mironova I.A., Yuht A.I. O deyatel'nosti M.V. Nechkinoy v oblasti istoriographii i istochnikovedeniya [About activity of M.V. Nechkina into sphere history of history and study of sources]// Arheographicheskiy ezhegodnik za 1971 god. М., 1972. S. 248-263; Gorodezkiy E.N., Rudnickaya E.L. 75-letie akademika M.V. Nechkinoy [75 age of Academician M.V. Nechkina]// Voprosy istorii. 1976. № 2. Bromley Y.V., Hromov S.S., Vandalkovskaya M.G. Vydayushchiysya uchenyuy, organizator nauki i pedagog M.V. Nechkina [Outstanding scientist, organizer of science and teacher M.V. Nechkina] // Istoriya SSSR. 1980. № 6. Vandalkovskaya M.G. Vysokoe sluzhenie bogine Istории. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M.V. Nechkinoy [High work God of history. By age 100 of Academician M.V. Nechkina]// Vestnik RAN. 2001. Tom 71. № 2. S. 155-167.
2. Milica Vasil'evna Nechkina: materialy k biobibliographii uchenyh SSSR. [Milica Vasilevna Nechkina: material's for history of biography of scientist of SSSR]. М., 1987.
3. Fedorov V.A. Akademik M.V. Nechkina (1901-1985) – istorik dvizheniya dekabristov [Academician M.V. Nechkina – historian of movement of Decembrist's]// Vestnik MGU [Herald of MGU]. Seriya 8. Istoriya. 1986. № 3. Vandalkovskaya M.G. Istoriya istoricheskoy nauki v tvorchestve M.V. Nechkinoy [The history of history at the creation of M.V. Nechkina]// Istoriya i istoriki. Istoriographicheskiy vestnik [History and Historians. History of history's Herald]. М., 2001. Polyakov Y.A. Serebryanoe stilo M. Nechkinoy (O literaturnom masterstve istorika) [Silver pen of M.V. Nechkina (About literary skill of historian)]/ Polyakov Y.A. Istoricheskaya nauka: ludi i problem [Historical science: People and problems]. М., 1999.
4. Grebenkina A.N. Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' M.V. Nechkinoy v nachale 20-h godov (Kazanskiy period) [Scientific and pedagogical activity of M.V. Nechkina in the beginning

twelfth years]/ Avtoreferat kand. diss. Kazan'. 1992.

5. Stalin i cosmopolitanism. 1945-1953. Dokumenty Agitpropa CK KPSS. [Stalin and Cosmopolitanism. 1945-1953. Documents of Agitprop CK KPSS]. M., 2005.

6. O zadachah sovetskikh istorikov v bor'be s proyavleniyami burzhuznoy ideologii [About problems of Soviet historian in struggle with manifestations of bourgeois ideology]// Voprosy istorii [Question of History]. 1949. № 2.

7. Peregiska M.V. Nechkinoy s A.M. Pankratovoy [The letters of M.V. Nechkina with A.M. Pankratova]/ Publ., komment. i vstup. st. L.V. Borisovoy/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

8. Iz dnevnikov S.S. Dmitrieva [Of diaries of S.S. Dmitriev]/ Publ. podg. R.G. Uhyomontova/ Otechestvennaya istoria. [Native History]. 1999. № 3, 4.

9. Polyakov Y.A. Uhto nazyvalos' bor'boy s cosmopolitizmom [This is called a struggle with Cosmopolitanism]/ Polyakov Y.A. Istoricheskaya nauka: ludi i problemy. M., 1999.

10. Stishov M. Na istoricheskom fakul'tete MGU [At historical faculty of MGU]// Voprosy istorii. [Question of History]. 1949. № 2.

11. Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoy nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletia. [The thaw in historical science. Soviet history of history of first post Stalin ten years]. M., 1997.

12. Bagirov M.D. K voprosu o haraktere dvizheniya muridizma i Shamilya [For question about the character of movement muridizm and Shamil]// Bol'shevik [Bolshevik]. 1950. № 13.

13. Dubrovskiy A.M. Istoriik i vlast'. Istoricheskaya nauka v SSSR i koncepciya istorii gheodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.) [The Historian and a power. Historical science in SSSR and the conception of history of Russian feudalism at context of a politics and an ideology. 1930-1950]. Bryansk. 2005.

14. Peregiska M.V. Nechkinoy s N.M. Chernyshevskoy [The letters of M.V. Nechkina with N.M. Chernyshevskaya]/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

15. «Chto interesnogo v Akademii obshchestvennykh nauk?». Pis'ma byvshih aspirantov k M.V. Nechkinoy. 1949-1971 [What is interesting at Academia of social sciences? Letters of late post-graduates to M.V. Nechkina]// Istoricheskiy arhiv [Historian archive]. 2006. № 3.

16. Nechkina M.V. K voprosu o formule «naimen'shee zlo» [For question about formula «the small harm»]// Voprosy istorii [Question of History]. 1951 № 4.

17. Ivanov L. Ob uchebnike istorii SSSR [About textbook of history of SSSR]// Bol'shevik [Bolshevik]. 1951. № 14.

18. «...I muchilas' i rabotala neveroyatno». Dnevnik M.V. Nechkinoy [«...And worry and work incredible». Diaries of M.V. Nechkina]/ Pod red. E.R. Kurapovoy. M., 2013.

19. Nechkina M.V. A.P. Shchapov v gody revoliucionnoy situacii [A.P. Shchapov in years or revolutionary situation]/ Nechkina M.V. Vstrecha dvuh pokoleniy [The meeting of two generation]. M., 1980.

20. Dunaevskiy V.A., Chapkevich E.I. «Naveki v pamyati narodnoy» [«For ever at people's memory»]// Tarle E.V. 1812 god [Tarle E.V. 1812]. M. 1994.

21. Bagirov M.D. Starshiy brat v sem'e sovetskikh narodov [Older brother into the family Soviet peoples]// Kommunist [Communist]. 1953. № 3.

22. Peregiska M.V. Nechkinoy s V.A. Obruchevym [The letters of M.V. Nechkina with V.A. Obruchev]/ V kn.: Istoriya v cheloveke. Akademik M.V. Nechkina [The History into a person. Academician M.V. Nechkina]. M., 2011.

Об авторе

Исмаилова Зулехя Адил-кызы – аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – postgraduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru